

ДОБРОЕ СЕРДЦЕ ТОЛГОНАЙ

ЕСТЬ что-то необычайно прочное в этой седой старой женщине, которая вышла на авансцену, села успокоенно и устало и начала свой рассказ. Достоинство и ясность — в самой фигуре ее, в посадке головы, в неторопливом, чуть даже однообразном течении простых слов.

И весь спектакль Театра имени Станиславского «Материнское поле» (по известной повести Чингиза Айтматова) строится как огромный монолог героини. лишь время от времени прерываемый игровыми эпизодами. Что и говорить, прием для театра не очень «выигрышный», даже рискованный. Однако именно его выбирает режиссер и автор инсценировки Борис Львов-Анохин.

Прием этот необходим, чтобы «высветить», выделить характер героини, старой киргизской матери Толгонай, потерявшей в войну мужа и всех своих сыновей. О ней и повесть, и пьеса, и спектакль. О ее сердце, израненном и живом, взрастившем необозримые поля добра на земле.

Не раз во время спектакля, который справедливее всего назвать трагическим, где смерти следуют одна за другой, где в весенний день Победы в родной аил с войны возвращается только один солдат, мы будем спрашивать себя: полно, может ли горе быть таким бесконечно огромным? И если сердце человеческое живо после такого горя, то сколько же оно может, сердце! Все может.

Истинно народный характер, сила и суть которого в неотгороженности от людей, в неумении жить для себя, своей только радостью и своим горем, этот характер по справедливости, по праву поставлен в центр спектакля. Толгонай играет Любовь Добржанская. Играет на том пределе простоты и безыскусности, который доступен лишь большому художнику.

Удивительно бережно, серьезно отдает она в зал каждое слово, каждую фразу своей героини. Антрисой почувствован ритм, народный поэтический строй, язык повести. И весь спектакль еще и еще раз утверждает, казалось бы, уже известную, но, к сожалению, нередко нарушаемую и драматургами, и исполнителями истину о могучей власти слова на сцене.

Слушаем голоса. Низкий, сильный у Толгонай; певучий, счастли-

вый, а потом сразу словно переревший у ее невестки Алиман, знавшей только одно лето любви;глаженный мудростью и годами у того старика-киргиза, что принес Толгонай известие о гибели мужа и сына. Сплетаются и споря друг с другом, затихая и подымаясь до крика, они, голоса, образуют своеобразную звукопись спектакля, драматический тон его.

Словом, звучанием голосов, ритмикой и пластикой, всеми доступными ему средствами театр выполняет трудную, достойную траты сил задачу — дать вторую, сценическую жизнь талантливой повести Чингиза Айтматова. Не повторить, не проиллюстрировать — дать вторую жизнь. За эту настойчивость и горячность в достижении цели, за эту серьезность задачи мы прощаем театру многое. И чрезмерное увлечение повествовательностью, когда вдруг спадает напряжение спектакля, и невыразительность целого ряда проходных персона-

Л. Добржанская — Толгонай

Фото В. Виленкина

жей, лишь тронутых краской, исполненных в самой приблизительной манере.

Да, не все удалось. Но в главном задача выполнена. И немногочисленный, выстроенный, казалось бы, просто, «неэффективный», спектакль несет со сцены большую мысль о человеческой солидарности, о мужестве и доброте людей труда, напоминает о непоправимых утратах, нанесенных войной, и вызывает к людскому разуму и сердцу.

В. МАКСИМОВА

ЛИТЕРАТУРНАЯ ЛЕГЕНДА
Г. МОСКВА

И 6 ИЮН 1964